

И. МЛОДИК

ПРИБОЩЕНИЕ К ЧУДУ

или *НЕРУКОВОДСТВО
ПО ДЕТСКОЙ ТЕРАПИИ*

Ирина Юрьевна Млодик
Приобщение к чуду,
или Неруководство по
детской психотерапии
Серия «Расширение горизонтов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26717373

Приобщение к чуду, или Неруководство по детской психотерапии:

Генезис; Москва; 2017

ISBN 978-5-98563-514-0

Аннотация

В книге, которая неслучайно имеет подзаголовок «Неруководство по детской психотерапии», автор в удивительно доступной, недирективной форме рассказывает о том, как строится психотерапевтическая работа с детьми: с чего начинается, на чем основывается, к каким результатам приводит; какие подводные камни встречаются на этом пути.

Множество живых и пронзительных историй, изложенных в книге, дают ощущение сопричастности происходящему и сами по себе оказывают терапевтическое воздействие на читателя.

Издание адресовано детским психологам, психотерапевтам и родителям, которые стремятся понимать своих детей.

5-е издание (электронное)

Содержание

Приобщение к чуду, или Неруководство по детской психотерапии	6
Вместо предисловия	7
Кто они, мои клиенты?	11
Смерть и динозавры	12
Дети закрытой двери	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Юрьевна Млодик

Приобщение к чуду, или Неруководство по детской психотерапии

© Млодик И. Ю., 2007

© Издательство «Генезис», 2007

5-е издание (электронное)

* * *

Ирина Млодик – кандидат психологических наук, практикующий экзистенциальный психотерапевт, председатель Межрегиональной ассоциации психологов-практиков «Просто Вместе», автор книг по детской психологии и психотерапии.

Разрабатывает и ведет обучающие программы.

Эта книга о специфике психотерапевтической работы с детьми. С чего такая работа начинается, на чем основывается, к каким результатам приводит? Какие проблемы возникают в ходе терапии?.. Автор размышляет над этими и мно-

гими другими вопросами. Живые, пронзительные истории из практики создают ощущение сопричастности происходящему.

Никто так внезапно и непосредственно не может поставить тебя в тупик, никто так благодарно не примет твою помощь, как ребенок; никто так не открыт к изменениям и никто тебе не даст так внятно понять, как мало ты знаешь. И никто лучше, чем он, не научит тебя быть профессионалом и человеком.

Соврать – нельзя, прикинуться слушающим – бесполезно, делать вид, что принимаешь его и хочешь помочь, – бессмысленно. Он посмотрит на тебя внимательно или мимоходом, и ты будешь разоблачен. Если ты действительно хочешь ему помочь, единственный выход – быть собой и учиться у него, учиться, каким бы суперпрофессионалом ты ни считал себя.

Приобщение к чуду, или Неруководство по детской психотерапии

Посвящается моей маме

Моя искренняя благодарность

– моим Учителям: Готсдинеру Арнольду Львовичу, Шувариковой Елене Владимировне, Жандру Андрею Леонидовичу – за открытие мне меня;

– моему сыну Млодику Жене – за то, что он есть;

– Булановой Ольге Евгеньевне – за предоставленную возможность моей творческой практической реализации.

Вместо предисловия

Я не родилась психологом, но какие-то предпосылки к тому, чтобы им стать, видимо, были. Недаром мой дядя, когда мне было лет восемь, не больше, тыкая пальцем в мой худосочный живот, изрек пророческую фразу: «Ты будешь психологом. Ты в этой семье самая спокойная». Прошло лет двадцать, прежде чем я вспомнила эти слова, находясь на втором курсе института, обучающего меня психологии.

Поменяв несколько работ, профессий и предпочтений и оказавшись перед лицом собственного кризиса, я окунулась в психологию с задором пионера, допущенного наконец до воды, и с трепетом больного, ожидающего приговора врача. Стремление понять собственный внутренний мир и надежды на «исцеление» периодически сменялись столь же активным устремлением в желании познать мир других людей и «исцелить» их, причем немедленно и навсегда. Понимание своих психических механизмов, знание своих комплексов и «заморочек» не избавляло от их надоедливого присутствия. Лишь встреча с гештальтом, как методом психотерапии, позволила мне измениться самой и узнать других людей без навязчивого желания изменить их внутренний мир, полный, как мне тогда казалось, неврозов, конфликтов и разного рода психологических «недоумений».

Так случилось, что моя практическая жизнь как психоте-

рапевта и психолога началась в детском центре. Если бы кто-нибудь за пару лет до этого сказал мне, что я буду работать с детьми, я бы подумала, что этот человек совсем далек от понимания психотипов вообще и моего в частности. Не то чтобы я не любила детей, конечно, нет, у меня самой на тот момент был уже сын, весьма интересный и симпатичный 9-летний человек, но дети для меня были существами пугающе загадочными в неистощимости своей энергии, непредсказуемости реакций и непосредственности своих проявлений. Мне казалось, что они устроены качественно по-другому, чем взрослые, и это «По-другому» я очень боялась не понять.

Все оказалось гораздо и проще, и сложнее. Они действительно оказались «другими». Их непредсказуемость делала наши встречи необыкновенно интересными, их энергия внушала мне оптимизм, их непосредственности я завидовала. В первые же несколько месяцев работы с ними я была совершенно сражена тем простым фактом, что при внешней детской доверчивости – их на самом деле совершенно невозможно обмануть. Любой взрослый при желании может интеллектуально «провести» ребенка, но редкий ребенок позволит обмануться своему экзистенциальному восприятию человека. При развивающемся сознании и интеллекте многие из них были удивительно по-человечески мудры и проникательны. А способность детей не только выживать, но и радоваться жизни, которая поместила их в условия, несо-

местимые не только с радостью, но и с выживанием, потрясала мое воображение. И вскоре я благодарила судьбу за этот подарок: возможность прожить отрезок жизни с этими удивительными «другими» и научиться у них многому тому, что мне неизвестно или, может, давно забыто.

Моя книга не случайно называется «Неруководство по детской психотерапии». Это действительно не руководство – скорее, предложение. Предложение к проживанию вашей жизни, ваших мыслей и чувств вместе со мной и моими «другими» в процессе того, как вы будете читать эту книгу, которая будет если не полезной для вас, то, я надеюсь, уж во всяком случае, интересной и увлекательной. Моя задача – не в том, чтобы кого-то научить, скорее в том, чтобы заинтересовать.

Эта книга предельно субъективна, она не претендует и не подразумевает никакого объективного взгляда на что бы то ни было, главным образом потому, что ее автор слабо верит в существование объективности, особенно в таком сложном вопросе, как человеческая душа. Дети и взрослые, описанные в этой книге, не были объектами моего исследования.

Каждый из них был уникальностью, с которой я соприкасалась, которой очаровывалась или, наоборот, возмущалась. Каждая встреча позволяла мне узнать много нового о жизни, о них самих, обо мне, о счастье, о боли, о психотерапии. И этот ценный опыт живет во мне, присутствует как уникальная драгоценность, которой в отличие от ювелирных ценно-

стей так хочется поделиться с другими.

Детская немедикаментозная психотерапия в России, на мой взгляд, только зарождается. Наличие в каждой школе своего психолога и его умение тестировать автоматически не делает детскую психотерапию существующей, квалифицированной и распространенной. А детская потребность в том, чтобы прожить часть своей жизни с интересующимся им взрослым, весьма, как мне кажется, велика. Как знать, если б в моем полном тревог, страхов и переживаний детстве был такой взрослый, я, возможно, росла бы более счастливым ребенком, правда... возможно, не стала бы психологом. Как знать...

И. Млодик

Кто они, мои клиенты?

Смерть и динозавры

Моими первыми клиентами были дети самые разные по возрастам, диагнозам и социальному статусу.

Никто так внезапно и непосредственно не может поставить тебя в тупик, никто так благодарно не примет твою помощь, как ребенок; никто так не открыт к изменениям и никто тебе не даст так внятно понять, как мало ты знаешь. И никто лучше, чем он, не научит тебя быть профессионалом и человеком.

Соврать – нельзя, прикинуться слушающим – бесполезно, делать вид, что принимаешь его и хочешь помочь – бессмысленно. Он посмотрит на тебя внимательно или мимоходом, и ты будешь разоблачен. Если ты действительно хочешь ему помочь, единственный выход – быть собой и учиться у него, учиться, каким бы суперпрофессионалом ты ни считал себя.

* * *

Он был одним из самых первых моих клиентов. И поскольку я называлась в ту пору «педагог-психолог коррекционных занятий», то и привели Его ко мне с целью «поправить память», как сказала бабушка. Полноватый мальчишечка, волосы ежиком, синяки под глазами. Одновременно масса энергии, весьма характерная для пятилеток, и усталость,

свойственная тяжело больным людям. Говорю с бабушкой, и волосы становятся ежиком у меня. У Него лейкемия, и Он совсем недавно был на волосок от смерти. В Его крови лекарств больше, чем красных кровяных телец, после этих лекарств и больницы, из которой Его недавно выписали, у Него совсем стало плохо с памятью. Пока Он осваивает мой кабинет, все это я узнаю в коридоре от его рыдающей бабушки.

Я хорошо помню тот день. У Него было много любопытства, но мало сил, чтобы его удовлетворить. У меня – много страха перед Его болезнью, много желания Ему помочь и мало знаний, как я могу это сделать. После недолгих попыток хорошенько проверить Его память (которая была действительно хуже Его возрастной нормы) Он ложится на парту и говорит:

– Давайте лучше поиграем.

– Давай. А во что?

– В привидение смерти!

– Хорошо, – говорю я, – как мы это будем делать?

– Я буду привидением смерти и буду тебя пугать, а ты будешь бояться.

Он залез под мой стол и активно «пугал» меня оставшиеся 15 минут, а я, как могла, «боялась». И боялась действительно, но не привидения, конечно, которое Он с таким упованием изображал, а бабушки, которая могла нас услышать и не понять, как это мы с памятью тут так шумно зани-

маемся.

В следующий раз я решила, что, пожалуй, стоит Его отвлечь от всех этих грустных мыслей, и предложила Ему порисовать.

– Мне нужен черный фломастер, – заявил Он, бодро откликнувшись на мое предложение.

– Конечно, бери. Смотри, у меня еще есть и цветные мелки...

– Ага, но мне нужен черный.

Фломастером мастерски, явно превышая среднепятилетние возможности, Им был нарисован огромный черный динозавр, пожирающий все на свете.

– Может, ты теперь нарисуешь осень? Смотри, за окном осень, желтые листья, – предпринимаю я еще одну попытку отвлечь его от черного фломастера и черных мыслей.

– Нет, лучше я нарисую еще одного динозавра, теперь он будет сражаться с большим черным пауком, и они убьют друг друга, – говорит Он уверенно и с явным предвкушением этого процесса.

«Что происходит? – задала я себе вопрос вечером того дня, по пути с работы. – Ты сама боишься болезни и смерти, тебе кажется, что если с детьми не говорить о болезни, то они будут меньше болеть, а если не говорить о смерти, то они не умрут. А ведь тяжелая болезнь и, возможно, скорая смерть – это Его реальность. Он реально болен, а смерть Он видел гораздо ближе, чем я. Из отделения, где Он лежал,

только трое детей пока еще живы. А сейчас я, возможно, единственный человек, с которым Он может прожить все это». Теперь у меня было больше понимания, чем я могу Ему помочь.

С того дня почти все Его рисунки и игры разворачивались у нас в дискуссию о смерти.

Как-то, когда Он рисовал уже почему-то коричневым фломастером придуманную Им компьютерную игру (Он удивительно творческий человек), в которой у паучка было 9 жизней, я спросила: бывает ли так, что у людей тоже может оказаться 9 жизней?

– Конечно, нет! Как вы этого не знаете?

– Знаешь, скорее всего о смерти я знаю гораздо меньше тебя. Ты бы мне рассказал, что происходит, когда люди умирают.

– Они попадают на небо. Там Бог, он решает: если человек хороший, то он пускает его в рай, а если плохой, то в ад. А жизнь у человека всего одна, единственная.

Черный фломастер на динозаврах уже изрисовался, и в ход пошел черный мелок. Его кожа была по-прежнему бледной, синяки под глазами огромными, желание рисовать «черные ужастики» неугасаемым.

– Слушай, – в другой раз спросила его я, – если в раю так хорошо, как ты рассказываешь, почему же люди так боятся умирать?

– Ну как вы не понимаете? – воззрился Он на меня с изум-

лением. – Потому что жить ведь так хорошо! Ведь так здорово!

На ту пору я действительно не знала человека, кто так хотел бы жить, как Он.

После зимних каникул Он исчез, бабушка передала через кого-то, что Он снова в больнице. Его черные динозавры то и дело попадались мне на глаза, и я с грустью готовилась к печальным вестям. Наступила весна, и, совершенно неожиданно столкнувшись с Его мамой в коридоре, я узнаю замечательные вести. Он не только выжил, но, возможно, если не будет рецидива ближайшние несколько лет, излечился! (До сих пор стучу по дереву, когда говорю про это.) Он подлечится немного дома и, когда станет теплее, придет ко мне снова. Это было похоже на чудо! Молодая, необыкновенно обаятельная мама плакала в коридоре, вспоминая многочисленные дни в больнице:

– Вы не представляете, как много я плакала, когда первый раз услышала диагноз и прогноз, меня утешало все отделение, и больше всех – мой сын. В нем столько жизни и силы!

Через пару недель Он пришел со своим младшим братом:
– А мой брат тоже хочет у вас заниматься, можно ему?
– Можно, конечно, скажи маме, пусть она его запишет.
– Понял? – торжествующе посмотрел Он на братца и тут же стал выпихивать его из кабинета. – А теперь вали, сейчас мое время!

Почему-то очень захотелось начать свою книгу именно с этого случая. Может, потому, что он был действительно одним из первых в моей практике, может, потому, что все так хорошо закончилось, а может, потому, что именно в этой встрече, как мне кажется, произошло что-то действительно важное, значительно повлиявшее на все мои дальнейшие встречи.

Анализируя чуть позже эти встречи, я поняла несколько важных положений, подтверждение которым я нашла потом в литературе по детской психотерапии.

1. У большинства детей, как правило, имеются колоссальные жизненные силы и огромная способность к гармоничному развитию, несмотря на те жизненные условия, что их окружают.

2. Интуитивное понимание, часто не окрашенное каким бы то ни было осознанием, дает им потенциальную возможность получать из среды максимум того, что необходимо для развития.

3. Многие из детей (за исключением клинических случаев) значительно здоровее многих взрослых в своей способности оставаться собой, что бы ни случилось.

Рождается закономерный вопрос: «Зачем тогда детям вообще нужны психотерапевты?» Действительно, по большому счету – ни к чему. По моему мнению, многим практически здоровым детям нужны просто проводники на каком-то кри-

зисном участке пути, которые будут внимательны ко всему, что происходит в жизни ребенка, к его потребностям, страхам, переживаниям. Они будут способны пребывать вместе с ребенком во всем, что составляет существо его жизни, не критикуя, не исправляя, не воспитывая. Дети, на чьем пути встречается такой человек – родственник, родитель, учитель, – как правило, не попадают к психотерапевту или психологу. Но есть моменты, когда никто из рядом живущих по каким-то причинам не в силах помочь, тогда сопровождение психотерапевта поможет пройти кризис с наименьшими потерями.

В описанном мной случае пятилетнего «ежика» спасли его потрясающая воля к жизни, искусство врачей и возможность, прожив свой страх, направить все угасающие силы не на ожидание смерти, а на выживание. Бытующее представление большинства людей о том, что жестоко говорить с умирающим о смерти (тем более с умирающим ребенком), отражает лишь их собственные страхи перед смертью и всем, что связано с ней. В реальности же ничто так не подавляет умирающего и тяжело больного (особенно ребенка!), как невозможность поделиться своими переживаниями, страхами, ощущениями; как покинутость и отвергнутость во всем том, что приходится ему проживать в полнейшем одиночестве.

Не важно, какой именно метод позволит вам вместе пройти через все это. Важно лишь то, что вы будете с ним в этот

момент, вам будет интересно, что происходит в его мире, вы будете вместе с ним бояться и «умирать», но останетесь при этом собой – взрослым (не значит – более сильным или более умным, а скорее более ответственным за происходящий процесс), со своим жизненным опытом и багажом переживаний.

В данном случае нам очень помогла арт-терапия – один из моих самых любимых методов как в детской, так и во взрослой психотерапии. Возможность выражения своих переживаний и чувств посредством рисунка в данном случае – это не только организация актуального опыта, но и диагностический момент. Черные динозавры, убивающие и умирающие, – показатель переживаний страха, злости, бессилия перед всем, с чем реально сталкивался этот ребенок в тот или иной день своей жизни. Когда организм пошел на поправку, изменились и рисунки – в них стало больше природы, цвета, жизни. И однажды, очень хмурым осенним днем, спустя год после нашей первой встречи, Он, глядя на меня, более тихую и печальную, чем обычно, вдруг сказал: «Хотите, я нарисую вам осень?» Это была самая яркая осень, нарисованная когда-либо для меня шестилетним мальчишкой.

Дети закрытой двери

Аутисты, точнее, дети с разными аутистическими нарушениями, – одна из самых интересных для меня групп де-

тей. Один очень уважаемый мной человек сказал, что это, возможно, потому, что я сама когда-то была аутисткой. Это очень близко к правде. Конечно, у меня не было клинического вида аутизма, но многие проявления, несомненно, были. И что я хорошо помню – это большое желание общаться и быть принятой этим миром и одновременно колоссальная тревога перед ним, тревога, стесняющая дыхание, заставляющая молчать, забиваться в самый придуманный мир и жить там, с непередаваемой тревогой делая любые шаги в сторону других людей.

Смею предположить, что клиническим аутистам еще сложнее. Безумно трудно всем тем, кто живет рядом с ними и о них заботится, их близким, психологам, учителям. Но им самим тяжело неимоверно!

* * *

Ему еще не было пяти, Его родители были родом с Кавказа.

– Нас в садик никуда не берут, говорят, что Он себя ведет плохо, – рассказывал мне Его отец, явно тревожась, отчего акцент становился очень выразительным, пока его сын с непонятными звуками носился по моему небольшому кабинету. Уже через 10 минут нашего с Ним «необщения» мне стало ясно, что это аутизм и, вероятно, одна из его наиболее трудных форм. Он не то чтобы не смотрел на меня,

Он меня не замечал вообще. Я была для Него чем-то вроде ходящего и говорящего стула. Я ходила за Ним по пятам, рассказывая Ему о том, что попадало в поле Его зрения. Он периодически отбегал на середину комнаты, смотрел куда-то вверх и в угол, смеясь или пугаясь, кричал туда угрозы на неизвестном мне языке, потом снова начинал методично обследовать кабинет.

Надо сказать, что аутисты обследуют пространство совсем не так, как остальные дети, которые могут заинтересоваться чем-то одним и захотеть в это поиграть. Аутисты делают это так же, как смотрят вам в глаза: вскользь, как бы опасаясь остановиться и задержаться хоть на минутку. В течение нескольких занятий мне не удавалось усадить Его заниматься чем-нибудь больше чем на несколько секунд. Победой я считала брошенный на меня внимательный взгляд или молчаливую просьбу достать что-нибудь, когда Он просто подводил меня к шкафу и протягивал мою руку. Это было в точности как в тех научных статьях, где говорилось, что аутисты принимают другого за объект. Я была для Него по-прежнему ходячий стул.

Как-то я предложила Ему ручку. Несмотря на то что фломастеры и мелки находились всегда в пределах доступа, они нисколько Его не интересовали. На появление ручки Он отреагировал совершенно странным для меня образом: снял свои тапочки, уселся на ковер, взял, ручку в руку и, подперев ее пяткой (!), стал писать на бумаге аккуратнейшими

печатными буквами слова «криминальное расследование». Слова были длинны и написаны идеальным почерком без единой ошибки. Моему изумлению не было предела, ведь Ему еще не было пяти! Я стала Его спрашивать в надежде хоть что-то понять, и разгадка скоро последовала сама, когда в правом верхнем углу Он написал «НТВ». Вскоре весь лист был покрыт аккуратно выписанными названиями различных передач и компаний, воспроизведенных с телевизора с удивительной точностью, вплоть до «наш адрес в Интернете www... ru».

Это уже был повод для общения! Тогда я стала писать Ему названия передач, а Он радостно курлыкал на своем языке, видимо, узнавая их. Правда, когда я писала «посторонние слова», Он убежал или начинал сердиться. На свое имя, написанное мной, Он реагировал совершенно индифферентно, так же, как и на слово «мама». Но когда я написала «папа», Он радостно вскочил, принес красный карандаш и, повторив обычную процедуру со сниманием тапочек, бережно обвел эти буквы, явно любуясь полученным результатом.

Позже я стала рисовать Ему картинки и просить подписать их. То ли мои художественные способности не превышали способностей умственно отсталого трехлетнего ребенка, то ли Он не понимал, о чем идет речь, но откликнулся Он только на две картинки. Под одной, с действительным подобием кота, написал «кот», а под картинкой, изоб-

ражающей елку, – «С Новым годом, товарищи!». Это уже было похоже на общение, к тому же оно вызывало у Него эмоции. Обычно Он просил меня написать что-то, и я писала, а Он радовался и даже смотрел мне в глаза. Поскольку говорил Он совсем плохо: то ли не мог, то ли не хотел, то ли примешивал сюда свой родной язык, – понимала я Его не всегда. Как же Он обижался на это!

Однажды он стал совать мне ручку и «курлыкать», что я должна написать. Я не понимала, перебирала варианты, говорила, что никак не могу понять. Он разозлился ужасно, ударил меня, бросился на пол и стал биться там в истерике. Я пыталась Его успокоить – все безуспешно, тогда я тоже стала кричать, что нельзя меня бить, нельзя громко орать в моем кабинете и что я тоже могу орать, и если я начну, неизвестно еще, у кого громче получится! Он притих и удивленно на меня уставился.

– Я понимаю, ты очень расстроился, но я не могу понять, что ты хочешь, чтобы я написала. Напиши мелом на доске, может, я тогда пойму тебя, – сказала я, протянув Ему мел.

Он с любопытством рассмотрел его, понюхал, увидел, что пальцы испачкались, положил и снова приготовился реветь. Я поняла, что еще одной истерике я, пожалуй, не выдержу, и торопливо повела Его к раковине, приговаривая, что сейчас вымоем руки и все будет хорошо. Потом сама взяла мел и стала рисовать на доске. Он походил тревожно по кабинету и наконец подошел к доске.

– Напиши, что ты хотел, а потом мы снова помоем твои руки.

И, впервые не применяя свою пятку, Он вывел без единой ошибки:

«Tom and Jerry». Неудивительно, что я не могла понять Его. Конечно, Он уже так привык к тому, что я Его понимаю, что моя «несообразительность» очень расстроила Его.

Мы расстались на лето, потом Он попал к другому психологу, и я случайно увидела Его на детской новогодней елке в нашем центре. «Тетя Мо-одик», – глядя на меня приветливо, но серьезно, показал Он на меня пальцем папе, завязывающему шнурки на Его праздничных туфлях. (Вот уж никак не ожидала, что Он знает меня по фамилии! А я все еще думала, что так и осталась для Него чем-то вроде разговаривающего стула.)

На елке я диву давалась, как Он водил хороводы с другими детьми, показывал музыкальный номер, стуча в барабан в маленьком оркестре, и, как все дети, кланчил у Деда Мороза конфеты. У психолога, с которым Он теперь занимался, я узнала, что они сейчас готовятся к школе, что пишет Он прекрасно – рукой, как положено, не впадает ни в какие истерики, не разговаривает с чем-то в углу кабинета и любит иногда пошалить.

Работа с аутистами, на мой взгляд, не требует каких-то

особых навыков. Пожалуй, необходимы только специальные знания об особенностях их мироустройства и способах «необщения» с окружающим миром. В остальном, как и во всех случаях терапевтических встреч, важно только одно: ясное понимание, кто ты, кто рядом с тобой и что происходит.

Аутисты – это дети, по моему мнению, с рождения (а возможно, и до него) имеющие гиперчувствительность ко всему, что происходит вокруг. Пока окружающая обстановка соответствует их требованиям собственной безопасности, они не проявляют особенного беспокойства. Но как только в среде происходят изменения, угрожающие безопасности такого ребенка, тревога возрастает настолько, что он, будучи не в силах противостоять ей, либо начинает активно бороться за восстановление утраченного равновесия, либо уходит в свой внутренний мир, пассивно или активно отвергая любые попытки к взаимодействию с ним. Особенность таких детей еще и в том, что они, находясь в постоянной тревоге по поводу окружающего мира и желая быть принятыми им, на самом деле совсем не знают правил, по которым в нем все устроено. Это по-разному проявляется у детей-аутистов разных групп.

Занимаясь своей диссертацией, связанной с психотерапией раннего детского аутизма, я изучила множество статей и материалов, касающихся причин возникновения, классификации и лечения РДА. Среди причин назывались: генные нарушения, депрессия матери в период беременности и сра-

зу после родов, детские прививки, чрезмерно быстрый рост мозга в период младенчества и т. д.

В этих исследованиях так много различных версий и подходов, что ясным становится только то, что аутизм – одно из самых загадочных и действительно мало изученных заболеваний. Но исследования, проведенные в этой области группой наших отечественных ученых-психиатров и психологов (В. В. Лебединского, О. С. Никольской, Е. Р. Баенской, М. М. Либлинг), в значительной степени проясняют клинико-психологическую картину этого заболевания и пути помощи таким детям.

В переводе с научного языка в их работах говорится, что сверхчувствительность к сигналам из среды, незнание «аффективных правил» и непонимание «аффективных смыслов» происходящего действуют в одном направлении, препятствуя развитию возможности активного взаимодействия со средой и создавая предпосылки для усиления самозащиты.

Поскольку базовое доверие к миру, которое формируется на первых годах жизни, у аутичных детей оказывается нарушенным, то отделение от матери быстро начинает принимать черты аутистического ухода. Поэтому многие проявления аутизма нашими учеными интерпретируются как результат включения защитных и компенсаторных механизмов, позволяющих ребенку устанавливать относительно стабильные, хотя и патологические, взаимоотношения с миром.

Разделение О. С. Никольской всех аутистов на четыре группы позволяет точнее разобраться в отличиях поведения таких детей в зависимости от принадлежности к той или иной группе и в сравнении со здоровыми детьми.

Детишек первой группы называют «отрешенными» от внешней среды. Случай, упомянутый мной, вполне соответствует описанию этой группы. Ребенок активно движется от предмета к предмету, не задерживаясь ни на чем больше чем несколько секунд. Он как бы не замечает взрослого (действительно, «как бы»), он как бы не понимает обращенную к нему речь и как бы не желает вступать в контакт. Часто он вообще не говорит, а лишь использует какие-то нечленораздельные звуки, которые усиленно повторяет в момент повышения тревоги. Из-за всего этого кажется, что такой ребенок:

- не желает обращать на вас внимание;
- не слышит вас;
- ничего не чувствует;
- не понимает даже самых простых вещей и инструкций.

Его взгляд скользит сквозь вас, не останавливаясь, из-за чего начинает казаться, что вы просто предмет. Его почти невозможно, особенно на первых порах, чем-то заинтересовать или увлечь. Он плохо чувствует как физические, временные, так и психологические границы другого человека, да и свои собственные. И главное, производит впечатление человека, который чего-то очень хочет, но совершенно не

знает чего.

В гештальт-подходе, который я очень уважаю и в котором работаю, этот феномен называется «невыделение потребности», то есть нарушение цикла контакта со средой посредством защитного механизма, называемого слиянием, на самых начальных стадиях контакта. Действительно, для того чтобы получить что-то, надо сначала понять, точнее, обнаружить (ведь это «понимается» не только мозгами), что тебе хочется. Плохое понимание из-за всепоглощающей тревоги того, что происходит внутри и что происходит вокруг, делает эту задачу для аутичного ребенка просто невыполнимой.

Дети второй группы по поведению могут быть чем-то похожи на первых, но поскольку их тревога более осознанна, они реагируют на окружающую среду отвержением. Стремясь сохранить хотя бы иллюзию безопасности, они борются с тревогой своими способами: стереотипными движениями или звуками. Они также активно перемещаются по пространству, но выглядят более встревоженными и возбужденными, их взгляд также скользит сквозь предметы, только при этом они непременно будут все пробовать на вкус и запах, чем-нибудь стучать, шелестеть или что-нибудь разрывать. Это их способ справляться с переменами в среде и со своей тревогой.

В отличие от детей первой группы они уже больше понимают, чего хотят (они хотят безопасности), но при поиске возможностей осуществления своего желания их тревога

возрастает еще сильнее, и единственным способом спасения становятся ими же придуманные стереотипы, осуществляя которые они сохраняют иллюзию безопасности.

Дети третьей группы будут радовать вас своей разговорчивостью, которая вам покажется просто-таки удивительной после молчания или мычания детишек предыдущих групп. Но очень скоро вы поймете, что разговорчивость эта односторонняя. Они будут произносить целые монологи, не очень интересуясь вашей реакцией или вашими комментариями. Они будут чаще смотреть на вас, но вы каждый раз будете теряться в догадках, видят ли они вас на самом деле.

Но чем они вас действительно поразят, так это тем, что будут выдавать целые блоки информации: наизусть зачитывать стихи или сказки, пересказывать главы из энциклопедий. Но стоит спросить что-то из этой сказки или стишка поподробнее или поточнее, и вас постигнет разочарование: в крайнем случае вам будет еще раз процитирована наизусть эта сказка, а почему же зайчик так боится волка, вы так никогда и не узнаете. Способность «заглатывать» целые блоки информации делает этих «робин-бобин-барабеков» более способными к обучению, но большие затруднения в аффективной и ментальной переработке всех этих залежей информационных блоков приводят к тому, что контакта опять не происходит.

Дети четвертой группы покажутся вам менее способными по сравнению с «третьегруппниками» в силу своей медли-

тельности, пассивности, тихости. Они будут слегка напоминать вам детей с задержкой психического развития. Но на самом деле из всех групп они наиболее близки к «Норме». Их речь, тихая и неразвитая, в большей степени будет обращена к вам, их взгляд, хотя испуганный и робкий, уже не приведет вас в замешательство. Они тоже будут тревожиться и бояться, но в большинстве своем не понимая, чего именно: мама заругает; все подумают, что я плохой, и т. д. Они тоже будут любить играть в одни и те же игры и выстраивать кубики всегда в строгом порядке, чередуя белые и синие, но предложение поиграть во что-нибудь новенькое они воспримут с опасливым интересом и при вашей поддержке пойдут на это, немного робея, проявляя тревогу и интерес одновременно. Они уже в состоянии, пребывая в своей тревоге, справляться с ней и двигаться вперед к изменениям и развитию.

Конечно, это далеко не полное описание характеристик таких детей. Но когда в вашем кабинете появляется маленький человек, важно хотя бы примерно представлять, что это за ребенок, ведь на ту информацию, что предоставят вам родители, далеко не всегда можно опереться.

Родители в детской психотерапии – это особая тема. Но что оказывается самым важным в работе с детьми-аутистами и вообще с детьми, имеющими клинические диагнозы, – это отношение родителей к тому факту, что их ребенок болен и нуждается в лечении. Родительские иллюзии, что «это не болезнь» или «лекарства вредны для его организма, мы

справимся без них», – одни из самых спасительных для родителей, но разрушительных для ребенка. Трудно представляемая для здорового человека тревога, доводящая аутичного ребенка до состояния психоза, способна удерживать психологическое развитие ребенка на младенческом уровне, не позволяя ему не только радоваться жизни, но и хоть сколько-нибудь развиваться.

Тщательный подбор лекарств психиатром может решить эту проблему. Но выбор родителей не всегда на стороне клиницистов. А зря! В моей практике были реально непростые случаи, когда ребенок благодаря ответственному выбору отца принимал прописанные психиатром лекарства и, входя в первую группу (наименее поддающуюся психотерапии), смог динамично и эффективно развиваться. И были другие случаи, когда родители ребенка второй группы, напуганные действием неудачно подобранных лекарств, отказывались в дальнейшем от любой медикаментозной поддержки, и психотические проявления ребенка только усиливались, несмотря на работу психотерапевта.

Подходы к психотерапии аутичных детей, на мой взгляд, не очень отличаются от общепринятых в гештальт-терапии: например, специфичной будет только фаза (довольно длительная в данном случае) налаживания контакта. Поскольку эта фаза является, возможно, самой важной для психотерапии аутичного ребенка, остановимся на ней поподробнее.

Аутичного ребенка, с тревогой относящегося к любым

новшества и переменам, приводят в незнакомое место к незнакомому взрослому человеку. Ситуация достаточно стрессовая даже для здорового взрослого и безусловно гиперстрессовая для аутичного ребенка. Убедиться в этом вы сможете, когда увидите, как он будет демонстрировать весь спектр своих защитных механизмов: если это первая группа, то он будет почти носиться по комнате, перебирая все подряд, и очень разозлится, если вы решите к нему прикоснуться; если это вторая группа, то он будет непрерывно стучать, шелестеть, пытаться что-то порвать или съесть – не важно, съедобное это или нет; третьегруппник будет много говорить, очень увлекаясь своим монологом; детишки четвертой группы скорее всего не захотят заходить в ваш кабинет без мамы, будут молчаливы, пассивны, испуганы.

Поэтому первое, что нужно сделать, – предоставить ребенку возможность обследовать пространство, не принуждая его к контакту. За ребенком можно следовать, комментировать его действия или чувства, но не прикасаться к нему и не пытаться удержать в рамках какой-либо деятельности или ситуации.

Приведу пример такой начальной фазы.

* * *

Ей четыре, и по моим наблюдениям (я видела Ее у других специалистов) Ее случай аутизма принадлежит ко вто-

рой группе. Прежде чем Она попадает ко мне, я вижу Ее на приеме у другого психолога нашего центра. Она забегает в комнату (достаточно большую по своим размерам) и начинает носиться по ней, буквально бегать кругами, после чего подходит к игрушкам, берет одну за другой, кидает их на пол. Периодически тянет что-то в рот и пытается откусить, прожевать и съесть. И если не успеть среагировать, то это непременно произойдет. Такая участь постигла ластик: половина его была откушена маленькими зубками, прожевана и съедена, несмотря на бурные протесты психолога. Потом выбираются какие-то коробочки, которыми удобно стучать друг о друга, получается хорошо, громко, – это успокаивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.